

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Александр I

<Фрагмент>

<...> Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром: самый мир заключал в себе почти все элементы войны». Так судил Сперанский по поводу назревшего в 1811 г. разрыва. «Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный». Он не развязал Наполеону рук: несмотря на нужды испанской войны, пришлось сохранить «северную воинскую систему»; сохранить значительные силы в Пруссии и Германии; соорудить Варшавское герцогство. Наполеон понимал, что мир — только перемирие в личной политике двух императоров, не устранившее, даже не ослабившее противостояния двух империй: «Послы его, начиная с Савари, всегда здесь твердили, что мир сделан с императором, не с Россией». Тильзитский мир был крайне непопулярен. Все выгоды этого мира не были столь важны для России, «чтобы вознаградить потерю коммерческих ее сношений». Континентальная блокада — жертва русскими интересами чуждой им политике Наполеона — вызывала глубокое раздражение. Осуждалась в дворянских кругах вся политика Александра. Французские послы сообщали, что в Петербурге развязно и смело толкуют о возможности, даже неизбежности нового дворцового переворота, все чаще вспоминают о примере 11 марта 1801 г.; если, пишет Коленкур, нечего опасаться за жизнь Наполеонова союзника, то только потому, что его охраняет страх перед воцарением Константина, в котором видят нового Павла.

А этот ненавистный союз в корне расшатан с 1809 г. Австрийский брак Наполеона окончательно подрывает его устои. России грозит опасность полной обессиливающей изоляции перед могущественным завоевателем. Мысль о близком, скором возобновлении открытой борьбы, пока Наполеон еще не вполне раздавил противоборствующие силы на Западе, не до конца претворил их в покорные орудия своей политики, все крепнет. С весны 1810 г. Александр принимает меры

к усилению боеспособности своего войска: он ожидал разрыва к весне 1811 г. Обсуждают в Петербурге план военной операции: она рисуется, на первых порах, наступательной, активной с русской стороны, на линиях Вислы и Одера. Александр начинает высвобождаться из тильзитских пут, приводит Наполеона в негодование явным нарушением блокады, объявлением нового таможенного тарифа на 1811 г. наносит серьезный удар французскому ввозу; а когда Наполеон проявил свой гнев конфискацией княжества Ольденбургского под предлогом обеспечения блокады, резкий протест Александра вскрыл нараставший разрыв. Идет со стороны Александра и политическая подготовка грядущей борьбы. Он возобновляет с Чарторыйским переговоры о восстановлении Польши, намечая ее восточную границу по Зап. Двине, Березине и Днепру; открывает совещание с литовскими магнатами о Великом княжестве Литовском. Если удастся увлечь на свою сторону Польшу, он встретит Наполеона на Одере. Из Берлина шли в конце 1810 и начале 1811 г. тревожные сообщения, сильно даже преувеличиваемые, о приготовлениях Наполеона к новой войне с Россией. При удаче польских планов расчет на Пруссию казался несомненным. Меньше было надежды на Австрию, враждебную русскому утверждению на Дунае, связанную с Наполеоном.

Решительный отказ Иосифа Понятовского¹, главы польских боевых сил, войти в соглашение с Чарторыйским — сорвал все эти планы. Понятовский ожидал нападения России на Варшавское герцогство весной 1811 г., предупредил Наполеона об опасности, не вскрывая перед ним конфиденций Чарторыйского. «Мы стоим друг перед другом, — так характеризовал Понятовский создавшееся положение, — со взведенными курками; в конце концов чье-либо ружье должно само выстрелить». Россия могла дольше выдерживать такое состояние напряженного ожидания. Для Наполеона оно было невыносимо при неустойчивом равновесии всей его европейской системы. Александр вынужден отказаться от первоначальных планов; он займет оборонительную позицию. Наполеон с огромным напряжением энергии создает полумиллионную разноязычную армию для активного удара: надо разрубить чрезмерно и безысходно напряженный узел европейских отношений, — иного выхода у него нет.

Летом 1812 г. началась великая, последняя борьба. Для Александра 1812 г. был связан с весьма ему тягостным личным испытанием. Он всю борьбу с Наполеоном воспринимал как свое личное дело, не русское только, а общеевропейское. Тем труднее ему было примириться с роковой необходимостью снова пережить сознание «бесполезности» императора, который не годится в полководцы. Это отдаляло его от армии, главной опоры «силы правительства», противопоставляло ее ему

как нечто самодовлеющее, ставило боевое командование в обидное для его державного самолюбия положение почти независимой силы. А он попытался снова взять на себя руководство военными действиями. Выехал к армии в Вильну, поставил главнокомандующего Барклая в такие условия, что тот считал себя лишь исполнителем его повелений, утвердил и отстаивал план начала военных действий, который сочинен был его «духовником по военной части», пруссаком Фулем. Вопреки мнению всего высшего командования, этот план лег в основу открывающейся кампании и поставил русские войска в крайне невыгодные условия при первом наступлении Наполеона. К отчаянию окружающих, Александр готов был в приказе по армии заявить войскам, что всегда будет с ними и никогда от них не отлучится. Приказ удалось остановить. Адмирал Шишков составил письмо к государю о необходимости его отъезда из армии и получил подписи Аракчеева и Балашова. Аргументы были неотразимы, шли от наиболее доверенных и преданных людей. Александр на другой день уехал в Москву, затем в Петербург. Нелегко было ему признать, что нет у него «качеств, необходимых для того, чтобы исправлять, как бы он желал, должность, которую занимает», в такое время, когда «народу нужен вождь, способный вести его к победе». Роль популярного вождя пришлось уступить другому. Мало того. Мнение армии, мнение общества требовало замены Барклая Кутузовым, — и Александру пришлось пойти на это назначение, лично ему неприятное, под такими притом давлениями, которые решительно противоречили основным его представлениям о полноте авторитета, необходимого носителю власти в отношении к населению, а тем более — к войску. Кутузову Александр не мог простить Аустерлица, осуждая его тогдашнюю уступчивость «царедворца», наделавшую столько бед. Он признается (в письмах к сестре), что твердо решил было вернуться к армии, но отказался от этой мысли, когда пришлось согласиться на назначение Кутузова, того из генералов, одинаково мало, по его мнению, пригодных для роли главнокомандующего, за которого высказалось общее мнение. Военная среда выступила с резкой критикой командования — сам Кутузов, с ним Ермолов и другие выступали с заявлениями, которые были бы признаны «преступными» в другое время, а теперь пришлось с ними считаться. Это было ему тем тяжелее, что он знал, насколько глубже шел разлад между ним и этой средой боевого командования. Еще в дни Аустерлица ему пришлось выслушать суждение, что он только губит армию своими «парадами»; в Вильне, при начале войны, слышались протесты, даже насмешки, горькие и негодующие, против размена обучения войск на мелочи, для солдат весьма тягостные и мучительные, для дела бесполезные, против той гатчинской муштровки, которую они с братом Константином так усердно насаждали. За этим внешним разногласием крылась коренная

противоположность двух отношений к армии — национальной боевой силе или дисциплинарно выкованной опоре правительственного абсолютизма. Во время войны, которая выросла в национальное движение, стала войной «отечественной», когда заговорили, что «вся Россия в поход пошла», а боевые вожди, при первом возобновлении плац-парадной муштровки над армией, еще не передохнувшей от боевых трудов, заговорили, подобно Ермолову, о том, что войска служат не государю, а отечеству и не на то созданы, чтобы забавлять его парадным маршем, Александр переживал отчуждение от армии как оскорбление своего и военного и державного самолюбия. Не мудрено, что он позднее «не любит вспоминать Отечественную войну», как свидетельствуют близкие ему люди. Кровавая драма войны, московского пожара, отступления великой армии разыгралась на глазах Александра, но без его участия. Он ее пережил тягостно, негодуя на «позорную» сдачу Москвы, на отсутствие победы. Политическая задача — отказ от переговоров, от примирения, пока враг не очистит русской территории, заявленная еще в Вильне, — сохранена в целостности, с большой выдержкой. Со своей общей концепцией европейских отношений Александр, по-видимому, не поколеблен в уверенности, что грозная буря пронесется и развеется, очистив возможные пути для его активной политики. Его отношение к «отечественной» войне, по-видимому, довольно сложно. Приняв мысль о войне на своей территории, он видит в этом «единственное средство сделать ее народной и сплотить общество вокруг правительства для общей защиты, по его собственному убеждению, по его собственной воле». Но сознает опасность необходимого подъема общественной, массовой самодеятельности для полноты самодержавной власти. Он испытал резкую атмосферу общественного недовольства правительством, которое винили за переживаемые бедствия, глухое волнение встревоженной и раздраженной массы, резкую критику своей политики, давление общественного недоверия. Английский генерал Вильсон приезжает к нему «от имени всей армии», во главе которой он нехотя поставил Кутузова, с требованием, чтобы не начинались никакие переговоры с французами, чтобы не вызывающий достаточного общественного доверия министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев был заменен другим лицом. Александр называет его «послом мятежников», который ставит его, русского самодержца, в тяжелое положение тем, что приходится все это выслушивать; желание армии не расходится, по существу, с его видами, но он не может делать уступок в выборе «своих собственных министров»: тут сговорчивость повлекла бы за собой дальнейшие требования, еще более «неуместные и неприличные».

В его представлении «отечественная» война должна бы быть чем-то совсем иным, именно «сплотить общество вокруг правительства»,

усилить его и вознести. После Тарутина он уверен в победе и снова сожалеет, что он не при армии: будь он во главе, вся слава отнеслась бы к нему, он занял бы место в истории, но дворянство поддерживает Кутузова, общество в нем олицетворяет «народную славу этой кампании». С этим пришлось примириться, хотя сам он считает, что Кутузов «ничего не исполнил из того, что следовало сделать, не предпринял против неприятеля ничего такого, к чему бы он не был буквально вынужден обстоятельствами». Награждая Кутузова, Александр «только уступает самой крайней необходимости».

Так, в личной жизни Александра война 1812 г. осталась лишь тягостным эпизодом, о котором он не любил вспоминать. Эпизод кончился.

Страна очищена от вражеских сил. Александр свободен от «крайней необходимости»; ему возвращена свобода решений и действий. Он возвращается на прежние пути, с большими возможностями, с большей определенностью. Высшему командованию своей армии он заявляет: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу». Основной вопрос дальнейшей политики ставится так: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать». Эти формулы выношены годами, от них нет отступления. Александр не подчинится впредь национальному движению, поднятому войной. И политика, и армия останутся в его руках. Вожди русского национализма против его планов. Их выразитель — тот же Кутузов, противник войны с Наполеоном до конца, с ним и Аракчеев, и Константин, и Румянцев, и многие, многие другие. По мнению Кутузова, падение Наполеона приведет только к мировому господству Англии, которое будет и для России и для всего континента еще более невыносимым; остается заключить выгодный мир, за который Наполеон, конечно, заплатит какой угодно ценой. Но Александр пошел своим путем, глубже вникая в строй европейских отношений: «Если хотеть, — говорил он, — мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже».

Теперь он выступит; роль Кутузова кончена. «Отныне, — говорит он, — я не расстанусь с моей армией и не подвергну ее более опасностям подобного предводительства». Он недоволен армией, растерявшей в походе выправку и дисциплину, приводит ее в прежний порядок муштрой, смотрами и парадами — от Вильны до Парижа, в антрактах боевых действий. Он недоволен ее настроением, ее классовым дворянским духом, который пытается подчинить его политические планы своему националистическому патриотизму, неразлучному с землевладельческими притязаниями. <...>

